

ками, точно кладбище... Кругомъ одинъ снѣгъ; взглядъ теряется въ этомъ печальномъ однообразіи; воображеніе просто поражено: это какой-то саванъ, которымъ природа окружаетъ бѣдную французскую армію! Единственные предметы, рѣзко выдѣляющіеся — ели, съ ихъ похоронною зеленью, неподвижныя, гигантскія, съ черными вѣтвями, навѣвающія грусть и тоску... Въ общемъ, безотрадный видъ арміи, умирающей, коченѣющей, въ окоченѣлой, мертвой природѣ“.

Наполеонъ ѣхалъ, какъ уже сказано, въ каретѣ, наполненной мѣхами, одѣтый въ соболью шубу, шапку и теплые сапоги, такъ что не чувствовалъ холода. Запершись съ Мюратомъ въ экипажѣ, онъ менѣе подвергался оскорбленіямъ со стороны озлобленныхъ солдатъ, да и самъ не видѣлъ передъ глазами сценъ отчаянія и голода. Послѣ Смоленска Наполеонъ шелъ пѣшкомъ и въ продолженіе пути могъ хорошо убѣдиться, въ какомъ ужасномъ положеніи была его великая

Отступленіе французской арміи черезъ Вильну въ 1812 г.

армія, испытывавшая въ это время неописуемыя бѣдствія. Разъ, идя по дорогѣ, Наполеонъ приказалъ срѣзать молодую березку и, опираясь на нее, шелъ впереди войска. „О Боже!—воскликнулъ одинъ изъ его адъютантовъ, который вспомнилъ поговорку о нищихъ: — король идетъ съ бѣлымъ посохомъ!“ Наполеонъ повернулъ къ сказавшему свое разгнѣванное лицо и проговорилъ: „Да, господа, такъ проходитъ человѣческое величіе!“ И цѣлыхъ три часа, не проронивъ болѣе ни слова, онъ шелъ по дорогѣ... Онъ упалъ духомъ, о чемъ говорятъ многія свидѣтельства. Такъ, на примѣръ, подписывался на бумагахъ вмѣсто Наполеонъ, Помпонъ; вмѣсто Калуга, диктовалъ „Калигула“. Онъ возвращался по опустошенной Смоленской дорогѣ. Рядомъ съ нимъ шла русская армія, и Кутузовъ говорилъ:—„Потушимъ кровію непріятельскою пожаръ Москвы!“

Извѣстно, что, когда узнали о переправѣ Наполеона и его арміи черезъ Березину, всѣ осуждали адмирала Чичагова, но Кутузовъ говорилъ, что „моряку нельзя умѣть ходить на сушѣ“, а Чаплица называлъ „коровою и дуракомъ“ и обвинялъ во всемъ гр. Витгенштейна, который не исполнилъ приказа Государя перейти за Березину. „Если бы всѣ лица,—говоритъ графъ Беннигсенъ:—руководившія военными дѣйствіями, были преданы военному суду, то я желалъ бы знать, сказали ли бы они, какъ самые безпристрастные судьи, что адмиралъ Чичаговъ болѣе виновенъ, нежели